

ЛУЧШЕ МАЛЕНЬКИЙ КАДУЙ, ЧЕМ БОЛЬШОЙ КАБУЛ

Но не верь в спокойствие ты вечное –
Вот уже к тебе под облака
Тянутся прерывистые встречные
Огненные трассы ДШК...

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Бездонное южное небо опрокинулось над долиной. Редкие белые облака, словно вата, цепляются за хребты афганских гор. Палатки, автомашины, вертолеты, бронетранспортеры и пушки – все в маскировочных пятнах желто-землистого цвета. Кое-где возле каменных брустверов алеют каплями крови маки и тюльпаны. Легкий ветерок едва колышет их, разнося вокруг запахи солянки и керосина. Раскаленный воздух дрожит возле боевых машин. На одной из них загорелые молодые бойцы, перебрасываясь изредка шутками, производят замену несущего винта. Возле вертолета в рабочем беспорядке блестят на солнце огнетушители, ведра, банки, гаечные ключи и автоматы.

Бортовой техник лейтенант Сергей Окулов – зеленоглазый, высокий, атлетического телосложения – уплотняя тулку вала винта, говорил своим товарищам:

– Откуда только не шлют вооружение духам: гранатометы – и швейцарские, и израильские, и немецкие, ракетные комплексы – и американские...

– ...И английские. Мины – итальянские, – подхватил товарищ. – А без помощи империалистов разве долго бы продержалась оппозиция?

– Дак это дело ясное, – отозвался Окулов.

Со стороны кабульского аэродрома донесся гул самолета. Куском миткаля Окулов вытер соленый пот с лица, посмотрел на вершины гор, на светлое майское небо. Может быть, с Родины доставил тот самолет почту, продукты, медикаменты, кровь для раненых бойцов. А может быть, "черный тюльпан" снова понес в Россию свинцовый печальный груз. Скольких друзей-товарищей проводил Окулов в последний путь за те шесть месяцев, что он здесь. Недавно погиб его сослуживец и друг, с которым вместе

учились в Кировском военном авиационно-техническом училище. Он поклялся отомстить за него и клятву свою сдержит...

– У нас на Вологодчине такие сосновые боры заповедные! – оживился Окулов. – А реки! Озера!

– А комары – по воробышу! – улыбнулся, поддерживая настроение, земляк.

– Комары – ерунда. Вот, живы будем, после войны приедьай ко мне в Кадуй, я тебя на Суду свожу. Окуни, лещи там!.. Во такие лапти, – развел он руками. – К нам на рыбалку даже из Москвы и Ленинграда приезжают. Кадуй наш как раз где-то между Ленинградом и Москвой.

– Так там же Бологое, – возразил кто-то из бойцов. И все повеселели. Кто-то вполголоса напевал припев популярной лирической песенки. А к вертолету прихрамывающей походкой подходил старший механик, майор.

– Ну зачем? У нас же другая железка, Октябрьская, а Бологое – южнее, – пояснил Окулов и попросил. – Саша, дай-ка мне фляжку попить. Чертово пекло! Нет, мужики, лучше маленький Кадуй, чем большой Кабул...

– Я вижу, вы уже закругляетесь, – доставая пачку сигарет, сказал майор.

– Осталось заменить масло и опробовать в работе, – ответил Окулов. Заметив, что бойцы потянулись к майору на перекур, он тоже быстро спустился с фюзеляжа на площадку.

– На восемнадцатом борту стрелок приболел, – не спеша говорил майор. – В пяти километрах от Балабага духи атаковали колонну. Засада... Стреляют из трех гранатометов...

– Разрешите, товарищ майор, – обратился Окулов. – Мне там засады душманские известны...

Майор пристально посмотрел на осунувшееся, обветренное лицо лейтенанта, на его атлетическую фигуру, глубоко затянулся сигаретным дымом и, словно раздумывая, сказал:

– Тебе, Сережа, отпуск объявлен, не сегодня-завтра домой полетишь. Вот замену пришлют – и полетишь, отдохнешь в санатории...

– Товарищ майор, так тем паче, – подался к нему Окулов.

Майор по-отцовски потрепал его черные волосы, вздохнув, улыбнулся. Он хорошо знал этого двадцатидвухлетнего лейтенанта, справедливого в отношениях с товарищами, мужественно переносившего все трудности военной жизни, комсомольца, добросовестного механика, мечтающего

после войны поступить в военную академию. Он знал, что Окулов мечтал летать, чтобы чувствовать себя счастливым от сознания того, что он летает, как пилот из “Последнего дюйма” Джеймса Олдриджа. Знал майор и о том, что, единственный сын у родителей, Окулов, неся службу в Германии, мог бы и не писать рапорт с просьбой направить его в Афганистан.

– Хорошо, Сергей Анатольевич, – вздохнув, сказал майор, – закончите ремонт, приведите себя в порядок, я доложу командиру...

Обкатав машину после ремонта, бойцы живо убрали инструмент и ремонтную оснастку, освежились водичкой и, балагурия, пошли в палаточный городок, обнесенный каменной стеной в рост человека. Похожий на форт для долгой самостоятельной обороны, городок с его чистотой и порядком, посыпанными песком дорожками, декорированными клумбами, спортплощадкой, лозунгами был для них словно краешек Родины.

В короткие часы передышки Сергей все чаще вспоминал не знавшую в домашних и школьных хлопотах усталую мать. Анна Николаевна работала в кадуйской средней школе № 2. Сергей не числился в самых старательных учениках, и это немного огорчало ее. Зато у него всегда были хорошие друзья и товарищи, плохой компании он избегал, и это ее радовало. Любознательный, он тянулся к отцу-механизатору. Анатолий Михайлович пробудил в сыне интерес к технике, который и определил его выбор пути – пойти по стопам отца, стать механизатором. Успешно закончив кадуйское СПТУ № 45, он решил учиться дальше. Любовь к технике и счастливый брак с милой и ласковой Нелей помогли Сергею закончить курс обучения без троек.

После обеда был дан отбой. Посмотрев свежий номер “Красной звезды”, прикрывшись от назойливых мух простыней, Окулов, словно далекий сон, вспоминал те четыре счастливых месяца, когда Неля с сынишкой приехали к нему в Германию. Усталый, измотанный, грязный от пыли и масел, пропахший керосином, он, возвращаясь домой, иногда ворчал на свою грязную работу. Но при виде Дениски улыбался, отходил, теплел, с радостью бегал в магазин, помогал жене готовить и стирать. А утром, как ни в чем не бывало, уходил летать и прыгать с парашютом, “чинить” вертолеты.

После подъема на построении был зачитан приказ об очередном боевом задании, не суливший легкой жизни. Кому-то предстояло подвергнуть обстрелу крупную базу противника в уезде Сурхуд, кому-то – уничтожить круглосуточную душманскую засаду у шоссе вблизи кишлака Балабаг. Экипажу борта N 18, куда стрелком был зачислен и лейтенант Окулов, было приказано “встретить иностранных гостей” с сопредельной стороны, тайком пробиравшихся в глубь Афганистана.

Почему-то вдруг вспомнилось, как в Германии, вот на таком же построении, командир вызвал его выйти перед строем. От неожиданности он напрягся, приготовился к худшему. Когда командир зачитал телеграмму и поздравил его с рождением сына, он не мог сдержать слез радости. Товарищи жали ему руку, похлопывали по плечу, поздравляли, а он улыбался и плакал...

Поздней ночью 6 мая 1987 года, выполнив боевую задачу, экипаж вертолета Ми-24 возвращался к месту дислокации своего подразделения. Они летели без сигнальных огней вдоль ущелья. Вдруг машину несколько раз подбросило... Радист тут же сообщил на базу: “Попал под обстрел ДШК*... Один из двигателей отказал, пробуем перевалить через хребет”. Сквозь шум мотора и радиопомехи бойцы слышали команду: “Прыгать!” Но в этот миг машина ударилась о скалу и с большой высоты рухнула в ущелье. На место падения утром были заброшены наши десантники. Спустя восемь часов они обнаружили разбитый вертолет с бортовым номером “восемнадцать” и погибших членов экипажа.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество, проявленное при выполнении интернационального долга в Афганистане, Окулов Сергей Анатольевич награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

В. Борисов

* Пулемет (Дегтярева–Шпагина крупнокалиберный). – *Примеч. сост.*